

*О.Э. ВАСИЛЬЕВА,
аспирант кафедры археологии,
этнографии и региональной истории ФГОУ
ВПО
ЧГУ им. И.Н. Ульянова*

ЧУВАШСКИЙ МАТЕРИАЛ О ЗАЛОЖНЫХ ПОКОЙНИКАХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д.К. ЗЕЛЕНИНА

Крупнейший русский ученый этнограф Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) известен своими научными изысканиями не только в России, но и далеко за ее пределами. Человек исключительной эрудиции, широкого полета мысли, Д.К. Зеленин интересовался всеми разделами этнографии, этой сложной комплексной науки. Увлечшись еще в молодые годы вопросами этнографии населения родной Вятской губернии, он в последующем перенес свои изыскания на всю Россию и даже Европу. Большое применение в исследованиях Д.К. Зеленина нашел сравнительный метод, ведь изучать историю и этнографию какого-либо народа вне связи с его географическими соседями невозможно: ни один народ в мире не существует изолированно, он находится в постоянных взаимодействиях с другими этническими образованиями. А эти взаимодействия, в свою очередь, находят выражение во всевозможных заимствованиях в области как материальной, так и духовной культуры, а также социально-экономической жизни.

Вполне естественно, что, изучая обряды и обычаи, религиозные верования и мировоззрения восточных славян, а также других европейских и сибирских народов, Д.К. Зеленин обращается в своих трудах к описанию подобных институтов у соседних с ними народов. Поэтому в работах видного этнографа большое место занимает материал о народах Поволжья, в том числе и о чувашах. Необходимо отметить, что при разработке вопросов традиционной культуры и религиозных верований народов России ученый привлекал многочисленный фактический материал из трудов местных этнографов, в том числе чувашских. В своих статьях и монографиях он обращается к работам К. Мильковича, А. Фукс, С.М. Михайлова, В.К. Магницкого, Н.В. Никольского и других исследователей культуры чувашей.

Занимаясь вопросами этнографии народов России и пользуясь непосредственно трудами поволжских исследователей, Д.К. Зеленин первым в этнографической науке реконструировал народные представления о двух типах смерти – естественной и неестественной. Первую группу покойников составляют так называемые «родители», то есть умершие от старости (кроме тех, кто занимался черной магией). Их почитали, всячески ублажали, устраивали поминки и считали защитниками семьи. Ко второй группе относятся «нечистые», так называемые «заложные» покойники. Название данного типа умерших – «заложные, заложенные» – происходит от древнего способа их погребения: заложных покойников хоронили один раз в год в семик, а все остальное время их клали в овраги, специальные ямы («убогий дом», «скудельница») и закладывали сучьями, кольями, камнями и т.д., в противоположность покойникам захороненным, т.е. зарытым в землю [9, 20].

Д.К. Зеленин в течение всей своей жизни придавал особое значение изучению данной проблемы, поэтому ее разрешению посвящены многие работы выдающегося ученого: «К вопросу о русалках (Культе покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов)» (1911), «Древнерусский языческий культ «заложных покойников» (1917), «Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов» (1937), монография «Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки» (1916), защищенная в 1917 году в качестве докторской диссертации, и другие.

Естественно, что не весь материал, собранный Д.К. Зелениным по этому вопросу, смог найти место в его опубликованных трудах, поэтому большую помощь при подготовке данного исследования нам оказали материалы фонда Д.К. Зеленина под № 849, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (ПФА РАН).

В данном сообщении мы хотели бы затронуть лишь один из аспектов проблемы заложенных покойников, относящихся к чувашам, – самоубийство, или *тип шар* («сухая беда»).

Как известно, впервые в литературе данный обычай упоминается в книге Александры Фукс «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840): «Редко между ними бывают ссоры. Еще реже вражды, но ежели уже они очень рассердятся, то, какое у них удивительное мщение! Чувашин идет к своему неприятелю, и, желая ему навлечь беду, давится у него на дворе: бедные! не знают другого мщения, как жертвовать своею жизнью, чтобы причинить беду врагу своему» [14, 57].

В.А. Сбоев в труде «Исследования об инородцах Казанской губернии» тоже говорит об этом странном, на первый взгляд, обычае: «...черты, в которых преимущественно обнаруживались дикость, варварство, грубость чуваш, теперь или совершенно сгладились, или видимо сглаживаются <...> О варварском обычае тащить неприятелю «сухую беду», т.е. вешаться во дворе своего врага, не слышно более» [10, 13]. В 1911 г. Н.В. Никольский писал: «Самоубийство считается наваждением дьявольским. Оно практиковалось лет 45 назад тому в виде мести своему обидчику» [7, 84].

Уже по этим нескольким свидетельствам можно сделать вывод о том, что известные историки и этнографы Поволжья знали о данном обычае и не отрицали факт его существования в прошлом.

Однако на этот счет существовало и прямо противоположное мнение. Первый чувашский этнограф С.М. Михайлов в 1854 г. писал по этому поводу: «Описывавшие в последнее время быт чуваш госпожа Фукс и адъютант-профессор Казанского университета В.А. Сбоев утверждали, что чувашаи вообще давятся на дворах своих неприятелей для принесения им обиды, не зная другого мщения своим врагам. Такими выводами писатели сии и сами ошиблись и других вводили в заблуждение...» [6, 174]. Подобного мнения на этот счет придерживался и В.К. Магницкий, считавший «сухую беду» выдумкой местной администрации и полиции [5, 123–125]. На наш взгляд, было бы несколько нелогично В.А. Сбоеву, на протяжении всей книги нелестно отзывавшемуся о работе А. Фукс, принять существование данного обычая у чувашей просто на веру. Александра Фукс, как известно, получала всю информацию от чувашского знакомого йомзи и вряд ли могла сама выдумать факт существования данного обычая, хотя ее выводы по некоторым вопросам сомнительны, а иногда в корне не верны. Однако в данном случае, на наш взгляд, госпожа Фукс просто зафиксировала то, о чем поведала ее чувашский друг. В 1850 г. подобный обычай был зафиксирован В. Лебедевым у симбирских чувашей.

Таким образом, вопрос о существовании «сухой беды» у чувашей вызвал широкий общественный резонанс: раздавались голоса как за, так и против факта существования данного обычая. Известные русские писатели, такие, как О. Сенковский, П.И. Мельников-Печерский, В.И. Немирович-Данченко, в своих произведениях писали об этом обычае, вероятно, под влиянием «Записок» А. Фукс. Н.Д. Телешов посвятил «сухой беде» целый рассказ, при чтении которого задумываешься: а может автор знаком с этим обычаем, так ярко он его описывает [8, 148–193].

В 1911 году в журнале «Живая старина» Д.К. Зеленин также затронул этот обычай, изучив вышеуказанные моменты, и привел свою точку зрения по данной проблеме. По его мнению, объяснять «эту своеобразную месть только тем, будто бы обидчика, на воротах дома коего найден удавленник, «засудят» несправедливые судьбы» [2, 243], недостаточно. Согласно Зеленину, этот обычай возник у чувашей задолго до появления постоянных судов и связан, прежде всего, с верой в загробную жизнь. А загробное существование

заложного покойника, как известно из фольклора многих народов, связано с местом его смерти. Таким образом, обиженный становится страшным загробным гостем, который «получает полную возможность отомстить своему обидчику, как бы силен и богат тот ни был, сторицею» [2, 244].

В пользу существования подобного обычая свидетельствуют данные, приводимые графом Н.С. Толстым в работе «Заволжские очерки, практические взгляды и рассказы» (1857), а также свидетельства священника Сухачева: «Искреннее покаяние чувашское во грехах: они всегда страшат де этим (повеситься на воротах) священников, отказывающих пьяным в причастии» [ПФА РАН. Ф. 849, оп. 1, д. 119, л. 364]. Здесь мы наблюдаем трансформацию обычая мщения через повешение в обыкновенное запугивание. Но основа – то осталась.

Аналогичный обычай у удмуртов был описан В. Кошурниковым [4, 137], у черемис – А. Луговым [ПФА РАН. Ф. 849, оп. 1, д. 119, л. 369], у жителей Индии – Э. Тэйлором [11, 314], у минусинцев – Степановым [4, 138]. Все эти свидетельства говорят о широком географическом распространении и, следовательно, о древности рассматриваемого нами обычая.

Что касается терминологии, то по Д.К. Зеленину, «выражение сухая беда <...> коренное русское, чуваша же только перевели его на свой язык. В романе Д.В. Григоровича «Рыбаки» встретилось выражение «мокрою бедою погиб» в значении потонул <...>. Очевидно, сухая беда означает в противоположность мокрой, смерть через удушение» [3, 86–87]. Однако, на наш взгляд, подобное утверждение Д.К. Зеленина несколько противоречит высказыванию о древности обычая. Получается, что если чуваша заимствовали у русских название «сухая беда», то ничего подобного они не знали и заимствовали сам обычай. Но приведенные выше данные опровергают это положение.

К тому же выдающиеся чувашские лингвисты В.Г. Егоров и М.Р. Федотов находят чувашскому термину «тип шар» тюркские соответствия в киргизском, шорском, турецком и других языках: в значениях «несчастье», «страдающий», «терпящий боль», «зло» [13, 435]. Причем В.Г. Егоров чувашское «шар» сближает с бурят-монгольским *шоро* в значении «несчастье», «злополучие», «горе» [1, 331]. Эти данные свидетельствуют о собственно тюркском происхождении данного термина, никак не заимствованном. Таким образом, данные чувашских исследователей также свидетельствуют в пользу древности рассматриваемого нами обычая.

Подводя итоги, следует заметить, что Д.К. Зеленин первым из этнографов классифицировал чувашского самоубийцу – участника «сухой беды» – как заложного покойника со всеми вытекающими отсюда обрядами и представлениями. По нашему мнению, данный обычай имел место быть еще в древние времена, что подтверждают данные лингвистики, а также выявленные факты существования подобного обычая у других народов, в том числе у ближайших соседей чувашей – удмуртов и марийцев.

Источники и литература

¹Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 356 с.

²Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культе покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. – М.: Издательство «Индрик», 1994. – 400 с. С. 230–300.

³Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки (1916). – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 432 с.

⁴Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов (1937) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. – М.: Издательство «Индрик», 2004. – 368 с. С. 111–144.

⁵Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань: Типография Имп. Университета, 1881. – 264 с.

⁶Михайлов С.М. Собрание сочинений. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с.

- ⁷*Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Том I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 527 с.
- ⁸Русские писатели о чувашах (Сост. И. Мучи, Ф. Уяр). – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1946. – 400 с.
- ⁹*Сабурова Л.М.* Д.К. Зеленин – этнограф // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К. Зеленина). – М.: «Наука», Ленингр. отдел, 1979. – 240 с. С. 9–43.
- ¹⁰*Сбоев В.А.* Заметки о чувашах. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 142 с.
- ¹¹*Тайлор Э.Б.* Первобытная культура: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
- ¹²*Титова З.Д.* Неопубликованные библиографические материалы Д.К. Зеленина (обзор) // КЭТ. 1995. Вып. 8-9. С. 350–355.
- ¹³*Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т.2. С – Я. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.
- ¹⁴*Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань: Типография имп. Казан. ун-та, 1840. – 329 с.